

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № БЪ 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ

1
306
1917N
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 16

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

МАЙ

ОНЪ ЭТО ЗНАЕТЪ.

Рис. А. Радакова.

— Для чего же тебѣ, братецъ, нужно восемь часовъ свободныхъ? Ты еще не достаточно культурень для того, чтобы умѣть такъ же весело провести это время, какъ я...

ПИСЬМО ВЪ ССЫЛКУ.

Мамѣ.

Все какъ было, мальчикъ, все въ порядкѣ:
Пыль всегда обтерта со стола;
Всѣ твои альбомы и тетрадки
Для тебя, хорошій, сберегла.

Все какъ было: красныя гвоздики
Каждый день мѣняю на окнѣ;
Та же грусть въ старинномъ темномъ ликѣ,
Только ты — въ далекой сторонѣ.

А въ часы, когда приходитъ вечеръ,
Я въ углу тихонько становлюсь
И о нашей долгожданной встрѣчѣ
Всѣхъ Скорбящихъ Матери молюсь.

Чуть мерцаетъ тихая лампада...
Помню, помню длительный звонокъ
И твое суровое: «Такъ надо»,
И твое молчаніе, сынокъ!

Дни бѣгутъ; недѣли мчатся мимо,
Увели — и нѣтъ тебя со мной...
Гдѣ ты, гдѣ ты, мальчикъ нелюдимый,
Живъ ли ты, отвѣтишь ли, родной?

Иль въ тайгѣ холодной и дремучей
Разгулялась злобная зима...
Горькій мой! Ужели не получишь
Этого несвязнаго письма?

Владиміръ Пруссакъ.

НЕДУГЪ.

Когда наступила минута молчанія и министръ финансовъ попросилъ слова, откуда-то послышался робкій умоляющій голосъ:

— Господа... А господа... Разрѣшите о проливахъ.

— Это опять вы, Милюковъ? — строго спросилъ председатель. — Сколько разъ вамъ говорили...

— Да я бы только два слова...

— Слышали.

— Развѣ слышали? Ну ладно.

Министръ финансовъ говорилъ недолго. Когда финансовъ много — о нихъ можно говорить четыре часа. Когда мало — и разговора на десять минутъ достаточно.

— Прошу высказаться, кто не согласенъ, — предложилъ премьеръ.

— У насъ въ Дарданеллахъ, — радостно началъ Милюковъ, — по этому поводу говорятъ...

— Опять вы, Милюковъ?

— Я же о проливахъ... Ну, хорошо, хорошо, я замолчу.

Онъ сѣлъ на стулъ, вынулъ потихоньку карту и началъ водить по ней пальцемъ.

— Прямо удивительно... Нѣтъ, прямо непостижимо.

— Вы что, Павелъ Николаевичъ, — сочувственно спросилъ Некрасовъ, — нездоровится, или такъ?

— Удивительно, говорю... Вотъ видите, — пододвинулъ тотъ карту, — здѣсь вотъ синее, здѣсь зеленое, а вотъ здѣсь двѣ полоски. Это вотъ проливы и есть.

— Ну, такъ что же?

— Да я такъ. Работа-то какая. Какъ нарисовано...

— Ага.

— Нѣтъ, вы посмотрите. Непремѣнно посмотрите. Хотите, я вамъ въ записную книжечку зарисую.

— Ага. Послѣ.

— А я бы зарисовалъ. Хотите, я вамъ карту подарю.

— Ага. Мерси.

— На домъ, значить? Я занесу.

Некрасовъ шумно поднялся, мучительно провелъ рукой по волосамъ, лбу и быстро попрощался съ сосѣдомъ.

— Ну, я пошелъ. Мигрень что-то у меня.

Милюковъ сложилъ карту, подсѣлъ къ Львову и дружески потянулъ его за рукавъ.

— Ну какъ дѣла? Волнуются всѣ?

— Да нѣтъ ничего, кажется. Спокойно.

— Ну не скажите. Иду я сегодня, вижу очередь громадная. На что спрашиваю. На проливы. Иду дальше. Другая очередь. На что? На Константинополь. Третья очередь. На что? На самоопредѣленіе національно... Вы куда же? Домой? А какъ же засѣданіе-то? Послѣ? Ну, ладно...

Милюковъ радостно потеръ руки и подсѣлъ къ Терещенко.

— Ну-съ, милый коллега. Иду это я вчера по Загородному, а навстрѣчу...

— Дарданеллы — поблѣднѣвъ, спросилъ Терещенко.

— Не всѣ сразу, а только одинъ: сэръ Бьюкенень.

Терещенко судорожнымъ движеніемъ схватилъ портфель и быстро пошелъ къ двери.

— Терещенко, погодите! — испуганно крикнулъ Шингаревъ, — я съ вами... Не оставляйте меня одного...

Милюковъ робко улыбнулся, обиженно вздохнулъ и посмотрѣлъ на Керенскаго.

— Работаете, Александръ Федоровичъ?

— Угу, — проворчалъ Керенскій.

— А у меня дѣльце къ вамъ...

— Некогда мнѣ, Павелъ Дарданельчъ... То-есть Пролить Николаевичъ... Вы опять о томъ же...

— Да я, какъ къ представителю демократіи...

— Да не могу же я, голубчикъ... Я министръ юстиціи. Понимаете — юстиціи... А проливы — это не по моему вѣдомству.

— А еще генераль-прокуроръ, — обидѣлся Милюковъ, —

это даже выше, чѣмъ генераль-отъ-инфантеріи, а генераль во все вникать долженъ... Можетъ, у меня душа о проливахъ болить. Вотъ они гдѣ у меня сидятъ...

* * *

Поздно вечеромъ Милуковъ сидѣлъ на крыльцѣ Мариинскаго дворца и, обнявъ старшаго курьера, говорилъ рыдающимъ голосомъ:

— Только ты одинъ, Вахрамѣичъ, и понимаешь...

— Да, наше дѣло, господинъ товарищъ министръ, ужъ такое...

— Я и говорю; можемъ мы жить безъ проливовъ, или не можемъ, Вахрамѣичъ?

— Да ужъ это какъ говорится, гдѣ же темному чело-вѣку безъ своего пролива прожить.

— Вотъ, вотъ... А они не понимаютъ.

— Потому, какъ они буржуазія темная, хотъ и министеръе и тому подобное...

— Эхъ, Вахрамѣичъ... Привѣтствую въ твоемъ лицѣ народъ, который понимаетъ, цѣнить... Ты домой, какъ-нибудь приходи ко мнѣ насчетъ проливовъ поболтать. Я, братъ, тебѣ все какъ есть объясню.

— Покорно благодаримъ. Мы съ Егоромъ, женинымъ своякомъ, придемъ. Онъ у насъ насчетъ разныхъ дарданель — во какъ. Человѣкъ молодой, холостой.

* * *

Въ эту ночь Милуковъ засыпалъ спокойно и сладко.

— Нѣтъ, сэръ Бьюкененъ правъ, — прошептала онъ, позѣвывая, — русскій народъ очень хочетъ Константинополя. И съ этимъ желаніемъ прямо даже преступно бороться...

Арк. Буховъ. ↓

ИНТЕРВЬЮ СЪ ОБЫВАТЕЛЕМЪ.

Вы хотите узнать впечатлѣныя —
Результатъ трехнедѣльной свободы?
Что жъ, пишите подробное мнѣныя
Акушера, проведшаго роды.
Всѣ великіе дни неустанно
Я стоялъ у параднаго входа,
Слышалъ выстрѣлы, крики, но странно —
Былъ увѣренъ въ побѣдѣ народа!
Только разъ пробѣжалъ по панели
Подъ дождемъ проливнымъ пулемета,
Но рѣшилъ, что скитаться безъ цѣли —
Смысла нѣтъ, и вернулся къ воротамъ.
Сутокъ пять телефонъ не работалъ,
Волновались за нашихъ мы очень,
Запирали замками безъ счета
Дверь на лѣстницу въ темныя ночи.
По квартирамъ пошла пропаганда:
Пролетарка — товарищъ солдату,
И прислугъ обнаглѣвшая банда
Предъявила вчера ультиматумъ...
Вы представьте, бездѣльницамъ этимъ
Нуженъ отдыхъ вечерній отъ службы.
Какъ же гости-винтеры, какъ дѣти,
Неужели отречься отъ дружбы?
Я спрошу васъ, милиція гдѣ же?!
Я не вѣрю домовой охранѣ,
Номеръ пятый курсируетъ рѣже,
Скоро хлѣба въ столицѣ не станетъ.
Я къ республикѣ сердцемъ склоняюсь,
Но боюсь неизвѣстнаго дара,
Мнѣ до смерти не хочется, каюсь,
Президентомъ имѣть кочегара.
Я хотѣлъ бы спросить на прощанье:
Не найдутся ли снова Мараты?
Фактъ оставить нельзя безъ вниманья:
Всѣхъ эсдеки мутятъ, депутаты.
Я не стану играть съ вами въ прятки,
Въ откровенныя — великая сила:
Я вернулъ свою душу изъ пятки,
Гдѣ она три недѣли гостила.

Ал. Флитъ.

СКАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ.

Праздникъ. Три часа пополудни. Токарь по металлу, Алексѣй Республиканцевъ, только-то пообѣдалъ и отдыхаетъ на мягкой бархатной отоманкѣ.

Въ зубахъ у него настоящая «гаванна». На столикѣ возлѣ отоманки бутылка «Поммри», уже наполовину опорожненная.

Жена Республиканцева нюхаетъ розу. Десятилѣтняя дочь читаетъ книжку.

— Слушай, мама — отрывается вдругъ дѣвочка отъ книжки, — слушай, что тутъ написано.

— Ну, что тамъ? Говори скорѣе.

— Тутъ написано, что «три дѣвицы подъ окномъ пряли поздно вечеркомъ». Не правда ли, странно?

— Что же тутъ страннаго?

— Какъ онѣ могли прясть «поздно вечеркомъ»? Развѣ у нихъ не было шестичасоваго рабочаго дня?

— Какъ не было? Былъ шестичасовой рабочій день, обязательно былъ.

— Почему же дѣвицы работали позднимъ вечеркомъ?

— Вѣроятно, это было зимою въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ три часа уже ночь. Четыре часа уже считается позднимъ вечеркомъ.

— Мама, а что такое «царица»? Тутъ написано: «кабы я была царица...»

— Царица? Должно быть, что-то въ родѣ фельдшерицы или фальцовщицы.

Отецъ улыбнулся. Выпустилъ сигару изо рта и презрительно сказалъ:

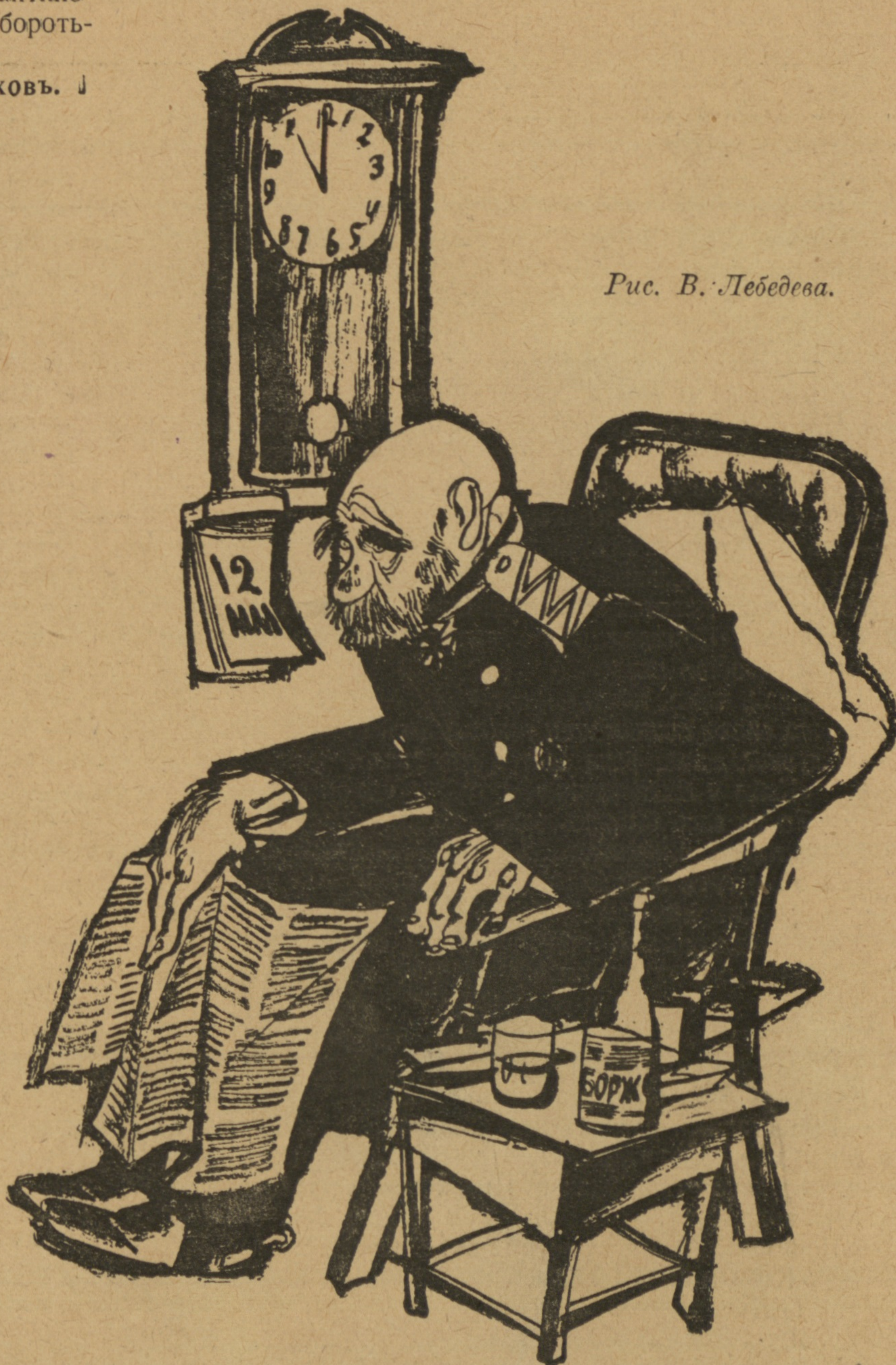

Рис. В. Лебедева.

СИЛЬНЫЙ ДОВОДЪ.

— Придиры... Увольнять человѣка въ отставку, только для того, чтобы омолаживать армію... Въ концѣ концовъ, вѣдь и у меня на головѣ ни одного сѣдого волоса...

ПОРЯДОКЪ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

— Послушайте, ну куда же вы лѣзете... Что вы занимаете мое мѣсто!? Я же вамъ русскимъ языкомъ говорю, что у меня билетъ съ плацкартой...

— Ну, и объясненія ты даешь! «Царицы» — это такія женщины были. Вѣчно ходили въ коронахъ.

— Въ чемъ?

— Въ коронахъ. Такіе головные уборы изъ золота. Тяжелые, претяжелые! Безобразные, пребезобразные! Голову къ землѣ пригибали.

— Зачѣмъ ихъ носили, папочка?

Республиканцевъ выпустилъ изъ рта нѣсколько колець благовоннаго дыма и солидно сказалъ:

— Служба была у нихъ такая. Какъ кому на роду написано. Одинъ слесарь; другой плотникъ; третій царь. Одинъ работаетъ руками — желѣзо куетъ; другой головой работаетъ — корону на головѣ тащить.

— А теперь тоже есть цари?

— Нѣтъ. Этотъ цехъ оказался ненужнымъ. Никакой отъ него не было пользы.

Дѣвочка погружается въ чтеніе. Отецъ глотаетъ маленькими глотками «Поммери». Мать вытираетъ лицо одеколономъ, чтобы хорошо пахло.

— Слушай, мама, какъ смѣшно!

Дѣвочка снова поднимаетъ головку отъ книги.

— Слушай, мама, одна сестра говоритъ:

«Кабы я была царица,
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна...»

— Что же тутъ смѣшного?

— А зачѣмъ ей ткать? Развѣ нѣтъ фабрикъ? Послѣ того, какъ сознательный пролетаріатъ сталъ хозяиномъ всѣхъ фабричныхъ предпріятій, подобное желаніе индивидуума...

Отецъ прерываетъ ее и, аплодируя, кричитъ:

— Bravo, дочка! Bravo! Ты права!

— Зачѣмъ же ей было ткать?

— При старомъ режимѣ это было. Наткала бы полотна, а потомъ и припрятала бы, чтобы выждать, пока цѣны поднимутся. Ловкія онѣ были эти царицыны сестры, свояченицы, племянницы и т. д.

— Понимаю. А вотъ еще смѣшнѣе. Слушай:

«Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки царя
Родила богатыря...»

Мать презрительно фыркаетъ:

— Это и я могла бы сдѣлать! — говоритъ она. — Велика штука.

— Не говори такъ!

Республиканцевъ сурово сдвинулъ брови.

— При старомъ строѣ, — поучительно говоритъ онъ, —

когда не было ничего равнаго, ничего прямого, ничего общаго и ничего тайнаго, родить богатыря не было такъ легко.

Жена опускаетъ глаза. Дочь читаетъ. Черезъ нѣсколько минутъ она снова устремляетъ на отца свои умные, смѣющіеся глаза:

— Знаешь, папа, она сдержала слово.

— Какъ сдержала слово?

— Та, которая обѣщала родить богатыря. Только, знаешь, что съ нимъ сдѣлали слуги царской тираніи?

— Не знаю.

— Они положили его въ бочку и бросили въ море.

— За что же?

— Должно быть, онъ былъ социаль-демократъ. Тамъ написано:

«И растетъ ребенокъ тамъ,

Не по днямъ, а по часамъ...»

— Это ты вѣрно, дочка, подмѣтила. Разъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, значитъ социаль-демократъ. Только одинъ социализмъ росъ не по днямъ, а по часамъ.

— Папа, онъ вылѣзъ изъ бочки!!

— Еще бы не вылѣзть! Социаль-демократъ изъ какой угодно бочки вылѣзетъ.

— А потомъ онъ коршуна убилъ.

— Двуглаваго?

— Нѣтъ, одноглаваго. Впрочемъ, тутъ не написано.

— Значитъ, двуглаваго. Разъ не написано, ясно — коршунъ былъ двуглавый.

— И лебедь освободилъ.

— Лебедь освободилъ. Свободу, значитъ, далъ народамъ.

— Папочка, какъ будто не такъ выходитъ...

— Не спорь. Обязательно такъ. Не учи отца.

— А все-таки не такъ. Лебедь-то вотъ, что говоритъ.

«Ты не лебеда избавилъ,

Дѣвицу въ живыхъ оставилъ!...»

— А дѣвица, знаешь, кѣмъ оказалась?

— Кѣмъ?

— Царицей.

— Что-о-о?

— Царицей оказалась.

— И этотъ провокаторъ спасъ ее?

— Не только спасъ, но и женился на ней, и самъ сталъ царемъ.

Республиканцевъ нѣсколько секундъ молчалъ и вдругъ разразился крикомъ:

— Кто написалъ эту сказку?

— Пушкинъ, папочка.

— А кто тебѣ позволилъ читать Пушкина? Сію же минуту возьми Каутскаго...

Милуковъ: — Какое, однако, чертовски быстрое теченіе въ этихъ проливахъ!

Дѣвочка послушно беретъ Каутскаго.

— А Пушкина сюда давай...

Отецъ отбираетъ Пушкина и, смягчившись, говоритъ:

— Охота тебѣ эту нелегалыщину читать. Еще влетишь съ этой «литературой».

У дѣвочки на глазахъ слезы. Запрещенный плодъ вѣдь такъ сладокъ, такъ сладокъ...

О. Л. Д'Орь.

ЗАЯЦЪ.

Изъ громко и властно зовущихъ плакатовъ
Ко мнѣ не проникъ еще ни одинъ.
Сквозь желтое кружево тяжелыхъ гардинъ
Свѣтъ въ комнату льется спокоенъ и матовъ.
Какъ прежде, пахнутъ бѣлые тюльпаны
Влажно и пьяно.
Какъ прежде, плюшевы шаги на коврѣ.
Молчатъ на стѣнѣ Чеховъ и Достоевскій.
И мнѣ все равно, что весна на дворѣ.
И что шумно и людно на Невскомъ.
Что мнѣ въ томъ: зима или лѣто?
Въ моемъ кабинетѣ столько уюта.
Мой кабинетъ — пароходная каюта,
Въ которой я — пассажиръ безъ билета.
Я никакого лозунга не провозгласила
И попрежнему люблю дорогія обновки,
А такъ какъ въ наше время большинство — это сила,
Я знаю — меня высадятъ на первой остановкѣ.

Лидія Лѣсная.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Патріотизмъ нуво.

Одинъ оптимистически настроенный человекъ, котораго хозяинъ квартиры выкинулъ изъ дома, остановился около крыльца и миролюбиво замѣтилъ:

— Ничего. Пустяки. Это у него — чисто нервное.

Епископъ кишиневскій Анастасій еще оптимистичнѣе этого человека. Въ недавнемъ обращеніи къ своей паствѣ, онъ заявилъ:

«Пусть каждый изъ васъ отречется отъ своихъ дѣлъ и отдастся на служеніе общему дѣлу спасенія родины отъ внѣшняго врага. Отрекитесь отъ своихъ дѣлъ и уподобитесь Государю Императору Николаю Александровичу, который изъ-за любви къ Россіи-родинѣ отрекся отъ престола своихъ благочестивыхъ предковъ, сложилъ съ себя верховную власть, чтобы хорошо было родинѣ».

Очень жаль только, что благочестивые предки отказывались отъ спѣшнаго складыванья верховной власти, хотя для этого была масса благопріятнѣйшихъ условій. Благочестивый потомокъ при дружной помощи народа сдѣлалъ это довольно легко. А родинѣ, дѣйствительно, хорошо стало.

Меню на будущее.

Дѣйствительно: аппетитъ приходитъ во время ѣды. Особенно милитаристическій.

Какъ бы навстрѣчу тенденціямъ европейской демократіи возможно скорѣе ликвидировать войну, телеграмма изъ Нью-Йорка радостно сообщаетъ:

Такъ какъ законъ о военной службѣ будетъ несомнѣнно, принять, то военный департаментъ разрабатываетъ подробности организациі, которая не болѣе, чѣмъ черезъ два года, должна дать армію въ два милліона человекъ.

Америка, очевидно, предполагаетъ, что состояніе войны сдѣлается для Европы нормальнымъ. И только раза два въ столѣтіе будетъ гдѣ-нибудь объявляться:

— Граждане! Неожиданно вспыхнулъ жестокой миръ, который можетъ затянуться надолго... Отечество въ опасности!

Несчастный случай въ военномъ министерствѣ.

Даже въ суматохѣ нельзя надѣвать на голову старый цвѣточный горшокъ: самые нетребовательные люди замѣтятъ, что это очень плохой головной уборъ.

А военное министерство, повидимому, объ этой истинѣ не догадывается.

«Угру Россіи» телеграфируютъ изъ дѣйствующей арміи: «Во время приѣма журналистовъ командующимъ арміями румынскаго фронта сотрудникъ «Нов. Вр.» Борисовъ сообщилъ, что отнынѣ «Нов. Вр.» является офиціозомъ военнаго министерства».

«Сатириконтъ», конечно, не является кандидатомъ на этотъ постъ и нами не руководитъ чувство ревности. Мы бы смол-

чали, если бы министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало своимъ офиціозомъ богельмановскій журналъ «Петроградскій Весельчакъ», но газета, въ которой, какъ и въ ея придаткахъ, только что разлагался Манасевичъ-Мануйловъ и его идейные пріятель — врядъ ли можетъ снискать довѣріе къ военному министерству.

Цареградцы.

Милюковъ и его земляки по Константинополю, сосѣди по проливамъ, начали наступленіе на Царьградъ изъ Тулы.

Этотъ неудачный стратегическій приѣмъ сразу же далъ печальныя для захватной программы результаты:

«Русскому Слову» сообщаютъ изъ Тулы: «Депутатъ Расторгуевъ на одной изъ площадей обратился къ солдатамъ и рабочимъ съ рѣчью, въ которой заявилъ, что Россія должна добиваться проливовъ и Константинополя. Рѣчь была встрѣчена недружелюбно. Расторгуевъ былъ арестованъ и отправленъ въ исполнительный комитетъ. Здѣсь депутатъ предъявилъ свои бумаги и между прочимъ удостовѣреніе отъ Временнаго Комитета Государственной Думы о спеціальной командировкѣ въ Тульскую губернію».

«Далеко до Типпэрхери»... — поютъ англійскіе солдаты на чужбинѣ. «Далеко до Константинополя» — запоетъ П. Н. Милюковъ, получивъ донесеніе о неудачной операциі своего десанта подъ Тулой.

Зашло солнце русскаго империализма...

Спокойненькіе.

Для многихъ старый режимъ, какъ козье молоко, дѣйствовалъ въ смыслѣ укрѣпленія здоровья и нервной системы. Въ своихъ воспоминаніяхъ о бывшихъ сановникахъ Л. Львовъ пишетъ:

За короткое время своего премьерства И. Л. Горемыкинъ получилъ своеобразный, но вполне заслуженный титулъ:

— Его Высокобездразличіе Иванъ Логиновичъ.

И дѣйствительно, его индифферентность доходила до феноменальности. Если ему сообщали, что въ такой-то губерніи рѣзня — онъ спокойно отвѣчалъ:

— Порѣжутъ да перестанутъ! Надоѣсть имъ.

Интересно знать, что сказалъ Горемыкинъ, когда ему сообщили о томъ, что начались аресты сановниковъ. Врядъ ли изъ устъ его вырвалось историческое:

— Поарестуютъ да перестанутъ! Надоѣсть имъ...

Палка съ однимъ концомъ.

«Вечернее Время» до того увлеклось формулой войны «до конца», что даже о нѣмецкихъ плѣнныхъ пишетъ:

Плѣнные, несмотря на подавленное душевное настроеніе, понимаютъ, что война очень тяжела и длительна, но что необходимо бить ся до конца.

Недаромъ одинъ изъ Горбуновскихъ героевъ, только что выведенный изъ драки полицейскимъ, трогательно проситъ:

— Братцы... Пустите ему по мордѣ дать... Можетъ, и ень по моей мордѣ скучаетъ...

Причины драки неважны. Важно лишь, что обѣ стороны по «чужой мордѣ» скучаютъ.

— Съ такимъ бы понятіемъ да на Сахалинъ... — какъ сказалъ одинъ ярославскій мужичекъ.

Розничный профессоръ.

Рѣдкій неудачный конецъ удачной карьеры:

По постановленію совѣта профессоровъ московскаго университета исключается изъ среды профессоровъ университета профессоръ Озеровъ, который принималъ живѣйшее участіе въ различныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ. По мнѣнію профессоровъ, Озеровъ проявлялъ въ своей дѣятельности спекулятивное направленіе.

Одинъ датскій судья бросилъ на полчаса судъ и сталъ около крыльца торговать пирожками.

Когда подсудимые обидѣлись, онъ нахмурился и сказалъ: — Вотъ тебѣ и будь послѣ этого человекомъ съ собственной инициативой.

Должно быть, то же самое сказалъ и проф. Озеровъ.

Рис. Миссѣ.

ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ.

Вижу большія дороги, —
Солнце и небо,
Много дорогъ:
Эти — круты,
Эти — пологи,
А эти, въ серебряной отъ солнца пыли
Легли
Ровно...
Солнце и небо!
Нагруженные тяжко возы,
Ароматныя бревна
Съ янтарными слезами смоль,
Ворохи пакли конопатить пазы —
Нагруженные тяжко возы...
Мельницъ крылатыхъ послѣдній помоль:
Недалеко до свѣжаго хлѣба.
Солнце и небо!
Въ сторонѣ оконченный срубъ,
Взвизги пилъ,
Кирпичныя кладки:
Для печей да для трубъ
Хозяинъ купилъ
Кирпичъ;
Наводитъ порядки —
Надо!
Двигается стадо,
Шелкаетъ бичъ,
Жужжанье радостныхъ мухъ,
Двигается стадо;
Кричитъ пастухъ...
А изъ лѣсу
Птиць,
Переполнившихъ зеленый клирость,
И пѣнье, и свистъ, и крикъ
Изъ лѣсу...
Господи!
Какъ вынесу?
Кому не прощу?
О Господи!
Какъ вмѣщу
Счастье жизни?
Не осуди
Мало сердца! Мало груди
Для Прекраснаго Извнѣ!
Какъ вмѣщу
Къ жизни
Любовь,
Къ небу,
Цвѣтамъ,
Сжатому хлѣбу,
Къ робкому на дубѣ плющу —
Какъ вмѣщу?
Если горы — амвоны,
Ризы — поля,
Если въ поцѣлуѣ вечернемъ
Слушая вечерніе звоны,
Земля
Поеть
Кузнечнымъ въ отвѣтъ молотомъ,
А закатное солнце пьетъ
Пьяный медъ,
Платитъ золотомъ;
На червонномъ сидя порогѣ,
Оглашая дороги,
Трубитъ въ кованый рогъ,
Облачныя слѣдитъ преображенья
Въ кованый трубитъ рогъ,
А кругомъ великое трудовое движенье
На несчетныхъ верстахъ дорогъ.

Валентинъ Горанскій.

ОРАТОРЪ БЕЗЪ СЛОВЪ.

— Господи, что вы хотите отъ него? Ну, выпилъ человекъ... Великое дѣло!.. Праздникъ вѣдь... Чего выпилъ? Не знаю. Можетъ, и денатурата. Конечно, это нехорошо. Но объ этомъ столько уже говорилось, что прямо смѣшно возмущаться. Миѣ это такъ понятно... Весенній, солнеч-

ный день. Толпа. Пѣсни, оркестры, сотни знаменъ... У всѣхъ праздничныя, радостныя лица. И рѣчи, рѣчи, рѣчи... Ну, разумѣется, и ему захотѣлось... Что? Хулиганство? Вовсе нѣтъ. Я не знаю, кто онъ. На фуражкѣ у него кокарда. Наверно, какой-нибудь мелкій чиновникъ. Да, такъ я говорю, что ему тоже захотѣлось сказать что-нибудь. На площади, подъ солнцемъ такъ легко говорится. Стоитъ только подняться на возвышеніе и начать: «Товарищи!..» А тамъ уже само полетаетъ. Такъ и онъ думалъ. И мы видѣли, какъ онъ взошелъ на трибуну, снялъ фуражку, потомъ развелъ руками, точь-въ-точь это сдѣлалъ предыдущій ораторъ и сказалъ: «Товарищи!..» Но потомъ ничего не было слышно. Было только видно, какъ онъ шевелитъ губами, дирижируетъ лѣвой рукой и время отъ времени, снявъ фуражку, раскланивается. Я думалъ, что онъ тихо говоритъ. Но вотъ руководитель собранія заявляетъ: «Ораторъ ничего не говоритъ, только шевелитъ губами. Предлагаю ему или начать говорить, или покинуть трибуну». И ораторъ тотчасъ ушелъ подъ смѣхъ толпы. Толпа всегда толпа. Она не умѣетъ тонко чувствовать. Она не поняла этого оратора. И въ чемъ же тутъ хулиганство, спрашиваю я васъ? Правда, онъ, уже сойдя съ трибуны, продолжалъ еще шевелить губами, размахивать рукой и кланяться. Но лицо его уже не улыбалось. Очевидно, онъ хотѣлъ извиниться. Ну, чѣмъ онъ виноватъ, что слова не шли изъ его усть? Помните: «Прильпе языкъ мой къ гортани»? Ну, то-то же!.. Меня онъ нисколько не возмутилъ. Я понялъ его безъ словъ. Вѣдь весенній же, солнечный день. Толпа. Пѣсни, оркестры, сотни знаменъ... У всѣхъ праздничныя, радостныя лица. И рѣчи, рѣчи, рѣчи... Ахъ, какіе вы странные люди, если не можете понять этого!..

Николай Бреневъ (В. Черній).

Рис. В. Л.

РАНЬШЕ УСПѢЛИ.

Нѣмецкій лейтенантъ. — Опять, кажется, наши солдаты пошли къ русскимъ брататься... Не знаю, когда еще Вильгельмъ будетъ обѣдать въ Петроградѣ, но эти солдаты уже завтракаютъ у русскихъ въ окопахъ...

ПРОЩЕ, ГОРАЗДО ПРОЩЕ.

Рис. А. Радакова.

1) Одни представляют себѣ Николая въ заточеніи такъ.

2) Другіе вотъ какъ.

3) Или такъ.

4) А онъ сидитъ тихо и мирно и на картахъ гадаетъ, когда его Родзянко опять царствовать позоветъ.

Л Е Т А.

Желѣзный ходъ часовъ кто могъ остановить?
Предупредить событія кто можетъ?
Какую стѣну время не изложетъ,
И Парка чью не перерѣжетъ нить?
Увѣренъ кто, что не поглотитъ Лета
Царя и пастуха, тирана и поэта?

Пусть въ честь царей упорно, терпѣливо
Рабъ создаетъ громады пирамидъ.
Пусть въ статуяхъ запечатлѣнъ ихъ видъ,
Пусть царство ихъ легендами красиво
Украшено, но все жъ придетъ чередъ —
И Лета приметъ ихъ въ могилу мрачныхъ водъ!

А. Радаковъ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Лѣто. Пять часовъ пополудни. Солнышко радостно свѣтитъ, несмотря на то, что приходится работать почти двадцать два часа въ сутки.

Глупое, несознательное, оно ничего не понимаетъ въ новомъ строѣ и думаетъ:

«Ничего! Теперь поработаю, а зимой отдохну. Не взыщеть хозяинъ... Онъ хорошій. Самъ шесть дней безплатно работалъ. Миръ создавалъ. Посвѣчу».

Андрей Пересадкинъ, помощникъ смазчика на Республиканско-Сельской желѣзной дорогѣ, кончилъ свой тяжелый трехчасовой рабочій день и успѣлъ уже пообѣдать.

Трудовой день Пересадкина начался рано, въ 10 часовъ утра.

Въ 12 былъ сдѣланъ перерывъ на завтракъ до двухъ часовъ; послѣ завтрака, съ двухъ до четырехъ, Пересадкинъ работалъ почти непрерывно.

Отрывался только отъ работы на 10—15 минутъ, чтобы выкурить папироску, высморкаться или сходить «по надобности»

Усталый пришелъ онъ домой, пообѣдалъ, сѣлъ за столъ и подумалъ:

«Скучно! Только пять часовъ, а день еще такъ великъ. Эхъ, тоже жизнь называется...»

Андрей Пересадкинъ всталъ изъ за стола.

«Почитать бы!» — подумалъ онъ.

Но мысль эту оставилъ. Что читать? Книги, написанныя при старомъ буржуазномъ строѣ, читать неприлично. Да и кого читать?

Толстого съ его героями изъ аристократовъ и царскихъ холоповъ?

Тургенева съ его буржуазными «революціонерами».

Достоевскаго съ его дворянами Карамазовыми, чиновниками, которые пили кровь изъ рабочаго класса, когда не были пьяны?

Этихъ читать нельзя, а новыхъ нѣтъ. Не пишутъ. Говорятъ:

— Гораздо выгоднѣе быть помощникомъ у подмастерья плотника, чѣмъ быть великимъ писателемъ.

И это почти правда. Самый маленькій рассказъ надо обдумать; это займетъ не менѣе трехъ рабочихъ часовъ...

Потомъ написать. Еще одинъ рабочій день пропалъ. Переписать — еще одинъ рабочій день ухлопать.

А въ результатъ сколько получишь? Рублей двѣсти. Вдвое меньше, чѣмъ получаетъ въ день токарь по желѣзу...

Есть, конечно, другого рода литература, ученая брошюрки по социализму. Почитать ихъ...

Нѣтъ это тотъ же трудъ. Это то же самое, что работать на фабрикѣ. Еще, пожалуй, будетъ потяжелѣе.

А Андрей Пересадкинъ не станетъ безплатно работать. Андрей Пересадкинъ сознательный человѣкъ.

А всего только пять часовъ. Лѣто. Солнышко свѣтитъ.

«Въ трактиръ пойти, что ли?» — думаетъ Пересадкинъ.

Но тутъ же вспоминаетъ, что и въ трактирахъ существуетъ трехчасовой рабочій день.

— То же порядки! — вырывается у Андрея Пересадкина. — Придумали, нечего сказать! Развѣ можно оставить рабочаго человѣка безъ трактира? Правительство явно идетъ противъ интересовъ рабочаго класса.

Скучно. Погулять пойти? Еще рано. Солнышко еще жаритъ. Чайку, пожалуй, выпить? Это идея.

— Поставь самоваръ! — обращается Андрей Пересадкинъ къ женѣ.

— Самоваръ?!

Жена смотритъ на Андрея Пересадкина изумленными глазами.

— Извините-съ, многоуважаемый товарищъ! — говоритъ она, сознательно возмущаясь, — я свои три часа уже отработала. Теперь нѣтъ рабынь. Теперь три часа труда, три часа сна; три часа отдыха. Я отдыхаю.

«Поссориться съ ней, или не поссориться? — думаетъ Андрей Пересадкинъ. — Надо поссориться. Все-таки минутъ на пятнадцать развлеченіе».

Андрей Пересадкинъ кривитъ ротъ въ ироническую улыбку и ехидно начинаетъ:

— Работала? А какую работу дѣлала?

— Полчаса комнаты убирала. Полтора часа обѣдъ варила.

— Всего только полтора часа? Вотъ подлецъ!

— Кто подлецъ?

— Обѣдъ! Всего полтора часа работала?! Что онъ, дуракъ, не понимаетъ, что рабочій день у насъ трехчасовой? Полтора часа варился. Баринъ какой! Дальше.

— Полчаса посуду мыла. Полчаса съ сосѣдкой ругалась. Вотъ тебѣ и всѣ три часа.

— Гм... Ловко подсчитала.

Въ умѣ у него появляется мысль:

«Вздуть ее... Всыпать по первое число. Но...»

Но не можетъ рѣшить Пересадкинъ, что такое «вздуть» — работа или развлеченіе.

— «Съ одной стороны, какъ будто развлеченіе, — думаетъ, — а съ другой, какъ бы работа. Вѣдь, безъ рукъ нельзя...»

И, наконецъ, рѣшаетъ:

— Внесу объ этомъ запросъ въ цехъ. А пока воздержусь. Партийная дисциплина прежде всего.

Въ углу сидитъ, сложивъ на животѣ ручки, и сладко зѣваетъ пятилѣтній мальчишка, сыночекъ Андрея Пересадкина.

Отецъ замѣтилъ его и кричитъ:

— Ты чего тутъ сидишь? Играть пошелъ бы. Смотрѣть на тебя тошно.

Мальчишка начинаетъ ревѣть:

— Нельзя больше играть... Мама говоритъ, что больше тлехъ часовъ нельзя... Тлехчасовой лабоцій день...

Андрей Пересадкинъ сердито хватается фуражку и выбѣгаетъ на улицу.

Ложиться спать можно только въ двѣнадцать. Вставать вѣдь рано не надо.

А теперь только пять. Только пять. Андрей Пересадкинъ поднимаетъ глаза къ небу и сердито ворчитъ:

— Ну, и наворотилъ ты часовъ въ сутки, товарищъ-Создатель. Двадцать четыре часа! Некуда было тебѣ материалу дѣвать... Ничего въ старину не жалѣли... Эхъ!

О. Л. Д'Орь.

8-ЧАСОВОЙ ПОЭТИЧЕСКІЙ ДЕНЬ.

Товарищъ муза посѣтила

На-дняхъ меня.

Незримой лаской вдохновила

Въ 12 дня.

О, чары музы! О, упоенье!

О, слезъ ведро!!!

Я, вдохновясь, въ одно мгновенье

Схватилъ перо.

Въ душѣ — экстазъ, въ умѣ — авансы...

И я творилъ:

Сонеты «ей», газеллы, стансы —

Какъ пули, лить!

И не замѣтилъ я нисколько,

Спѣша писать,

Что солнце вдругъ забастовало,

Плетясь въ «кровать».

Не любимъ времени, какъ тифъ, мы:

Я былъ не прочь,

Ловя за хвостъ живыя риѣмы,

Строчить всю ночь.

Но... на часы взглянула муза, —

Восьмой ударъ.

И бросила мнѣ безъ конфуза:

— Кончалъ базаръ!

Идя къ дверямъ, глядитъ плутовка,

Какъ... большевикъ.

— Эй, муза! Что за забастовка? —

Я поднялъ крикъ. —

Весь драгоценнымъ вдохновеньемъ

Поэтъ набухъ,

А вы съ подобнымъ поведеньемъ

Вспугнули духъ!..

Но музы былъ отвѣтъ суровый:

— Буржуй и пень,

Я признаю восьмичасовой

Рабочій день!

Доль.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ НЕЛЕГАЛЬНЫХЪ.

«Передаютъ, что въ Крыму образовался монархическій союзъ „33“ изъ бывшихъ высокопоставленныхъ».

(Изъ газетъ.)

Вечерѣло. Въ маленькую комнатку, выходящую окнами на ялтинскій молъ, приходили встревоженные, взволнованные люди. Приходили по одиночкѣ, не здороваясь, произнося условный пароль, и молча занимали свои мѣста. На ихъ лицахъ была написана сосредоточенная обреченность. Когда комната наполнилась людьми, молодыми и старыми, мужчинами и женщинами, — предсѣдатель, высокій старикъ открылъ засѣданіе. Говорили полупрошептомъ, боязливо прислушиваясь къ собственнымъ словамъ.

— Товарищъ Николай, ставьте на голосованіе вопросъ о боевикахъ.

— Вѣрно, товарищъ Марія! Прежде всего — организациа и пропаганда. Въ этомъ отношеніи мы будемъ придерживаться тактики максималистовъ. Слово принадлежитъ товарищу Танѣеву.

— Экспроприациа! Либо государственнй банкъ, либо казначейство...

— Нѣтъ, нѣтъ, товарищъ, — перебилъ оратора предсѣдатель, — мы должны прежде всего заняться Царскимъ Селомъ. Въ свое время, какъ вы знаете, дѣлались отчаянныя попытки спасти Чернышевскаго изъ Сибири...

— Кто такое Чернышевскій?

— Это былъ такой Бейлисъ, ваше высочество.

— Прежде всего, «товарищъ», а не «ваше высочество»...

— Чернышевскій былъ революціонеръ...

— Значитъ, нашъ?..

— Къ порядку, товарищъ! Я предлагаю устроить побѣгъ...

— А заграничный паспортъ?..

— А деньги?..

Наступило долгое молчаніе.

— Экспроприациа?

— Принято единогласно!

Присутствовавшіе начали расходиться. Извѣстный революціонеръ, за которымъ неуспѣшно наблюдала полиціа, Николай, носившій партійную кличку «великій князь», вышелъ вмѣстѣ съ опытной боевичкой Маріей Павловной. Слѣдомъ за ними крались двѣ тѣни; не трудно было понять, что это шпики, желавшіе подслушать ихъ разговоръ.

Революціонеры разстались на углу и пошли въ разныя стороны, путая преслѣдователей. Черезъ нѣсколько часовъ они сошлись въ условленномъ мѣстѣ.

— Плохо, товарищъ Николай?

— Да, товарищъ Марія, наша борьба неравная, но тѣмъ болѣе въ ней энтузіазма и величія ...

— У васъ не было обыска?

— Нѣтъ, у меня не было обыска, но я сдалъ партію литературы товарищу Кириллу.

— Я тоже сдала партію литературы товарищу Борису, но у меня есть еще одна динамитная бомба и нѣсколько номеровъ нелегальнаго заграничнаго изданія.

— Лучше всего сдайте это товарищу Александру. Его квартира пока еще внѣ подозрѣнія.

— А какъ побѣгъ?

— Мужайтесь, товарищъ! Революціа никогда не дѣлается сразу. Проклятый режимъ томить насъ въ тюрьмахъ и въ казематахъ Петропавловской крѣпости, — но помните нашу старую революціонную пѣсню: — «Если жъ погибнуть придется въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ, — дѣло всегда отзовется...»

— Вѣрно, товарищъ! «На колѣняхъ живыхъ».

— Прощайте, товарищъ.

Николай повернулъ направо и удалился, насвистывая «Варшавянку».

Въ ту же ночь комиссаръ, злѣйшій врагъ революціонеровъ, вмѣстѣ съ солдатами произвелъ обыскъ у товарища Маріи. Комиссаръ вошелъ съ револьверомъ въ рукахъ; нѣсколько человекъ печатали прокламаціи.

— Попались, голубчики мои! Нелегальную письменность фабрикуете? Не миновать вамъ Петропавловки.

Конспиративная квартира была открыта. Товарищи поняли, что дальнѣйшая борьба бесполезна.

— Кто здѣсь Николай, по кличкѣ «великій князь».

— Я, — мужественно отвѣтилъ старый революціонеръ.

Его лицо дышало протестомъ; несмотря на присутствіе вооруженныхъ солдатъ, старый партійный работникъ во весь голосъ запѣлъ:

— «Вихри враждебные воютъ надъ нами...»

— Замолчи, — кричали солдаты, угрожая ружьями.

— Сдавайте оружіе.

— Вотъ бомба, — протянула товарищъ Марія изящно перевязанный пакетикъ.

Обыскъ продолжался долго. Революціонеры держались мужественно и вполголоса напѣвали революціонныя пѣсни.

На слѣдующій день товарищъ Кириллъ встрѣтился съ товарищемъ Борисомъ.

— Несчастье! Квартира открыта! Шпики пронюхали. Взяли шрифтъ, прокламаціи, бомбу... Провокаторы! Намъ теперь не избѣжать Петропавловки...

— А что съ боевиками?

— Я нашелъ одну явку.

— Кто завѣдуетъ?

— Тайна.

— Кличка.

— «Бодрый»...

Товарищи пошли въ разныя стороны. За каждымъ изъ нихъ послѣдовалъ шпикъ. Но никакіе шпики не могли охладить ихъ сердца; ихъ партійный девизъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое», огненными буквами наполнялъ ихъ души.

... Въ семь часовъ вечера была назначена летучка на лѣсопильномъ заводѣ...

* * *

Такъ черезъ десять лѣтъ будутъ писать романы изъ жизни русскихъ революціонеровъ.

Бор. Мирскій.

НЕВѢСТА.

Помоги мнѣ, святой Софроній,
Лютую боль исцѣли!
Пусть милаго смерть не тронетъ,
Въ предѣлахъ черной земли.

Угодникъ, почившій въ мирѣ!
Цѣлую твою пелену...
Истомленныхъ, скорбныхъ и сирыхъ
Облегчи въ тяжеломъ плѣну.

Ты помнишь, — въ коротенькомъ платьѣ?
Къ тебѣ прибѣгая сюда,
Молитвы хотѣла шептать я
И не могла — отъ стыда.

Просила тебя о пятеркахъ,
Не поднимая глазъ,
И послѣ рыданій горькихъ
Бѣжала обратно въ классъ.

Теперь, въ тоскѣ безысходной
Я молось уже не о томъ,
Не смѣя, — а вдругъ неугодно? —
Осѣнитесь широкимъ крестомъ.

Не знаю, какъ надо молиться,
Какія сказать слова,
Чтобы въ моей темницѣ
Пробилась живая трава.

«Пусть милаго смерть не тронетъ»
Молюсь на колѣняхъ въ пыли,
Помоги мнѣ, святой Софроній,
Лютую боль исцѣли.

Владиміръ Пруссакъ.

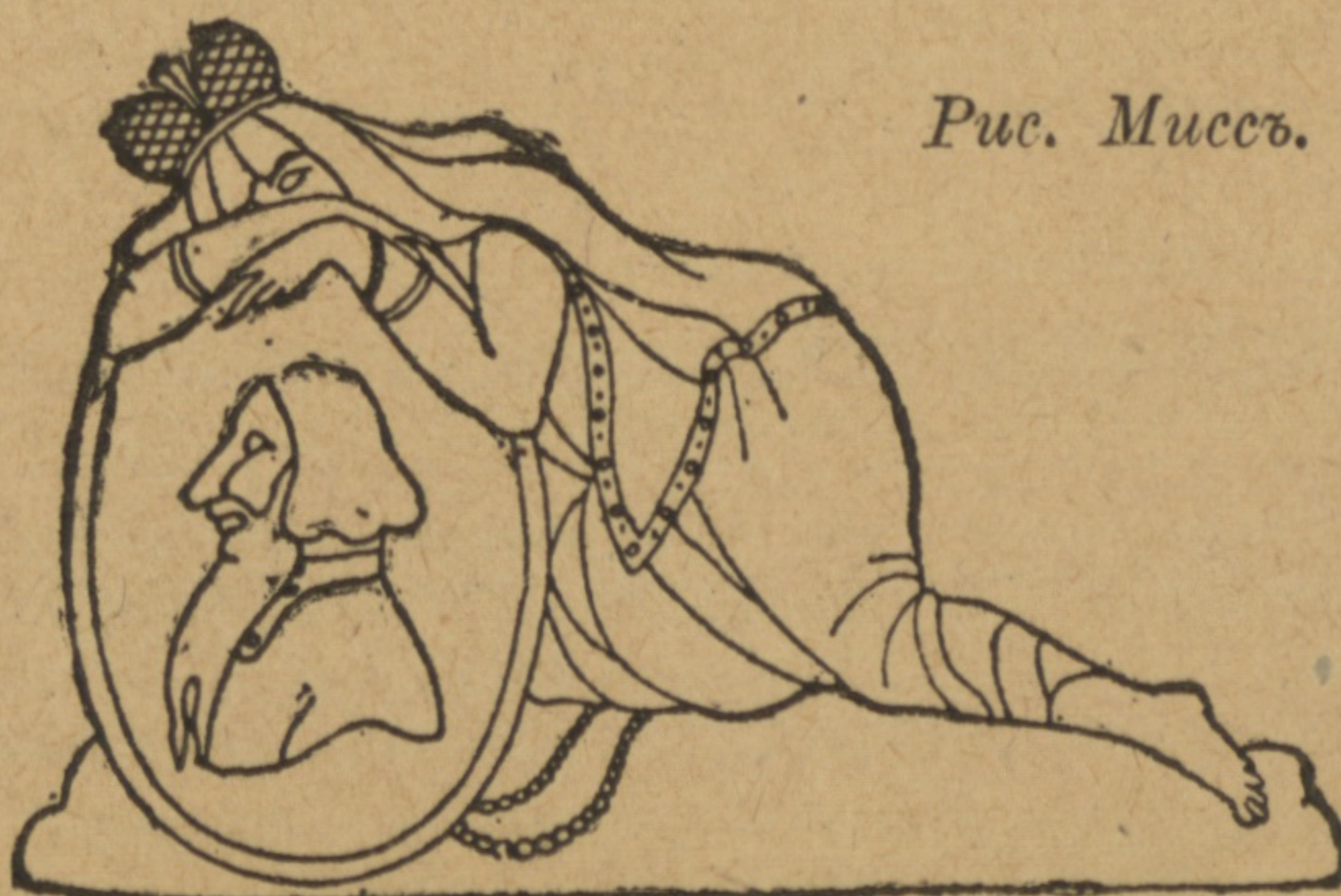

Рис. Миссъ.

Александръ III. — Эхъ, Коля, Коля! Бралъ бы ты съ меня примѣръ: я понемногу вѣшалъ, а ты вотъ навѣсилъ сразу, дерево и не выдержало.

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА.

Нѣкто сказалъ:

— Свобода крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, ибо съ каждымъ днемъ на газетныхъ столбцахъ все рѣже и рѣже упоминается имя Николая Романова.

Широкая платформа.

Одинъ отставной чиновникъ признавался:

— Я согласенъ на всѣ строи отъ монархii до анархii, я согласенъ даже на такое смѣшенiе строевъ: чтобы вмѣсто династii Романовыхъ воцарился на престолѣ Ленинъ и открылъ бы собой новую династiю, Лениныхъ, но при условii: я сохраняю мою пенсiю и, если будетъ раздѣлъ имущества, то мое не дѣлится, но умножается при дѣлежѣ чужого!

Вопросы и отвѣты.

— Какую часть себя мы потеряли?
— Третью.
— Почему?
— Мы состояли изъ: души, тѣла и паспорта. За отменной паспортной системы мы состоимъ изъ души и тѣла.

Убѣжденiя.

Одинъ биржевикъ сказалъ:

— Я очень крѣпко настроенъ на демократическую республику.

Его товарищъ сощурилъ глазъ:

— Я помню, когда вы были крѣпко настроены на Протопопова!

— Что жъ изъ этого?! Я же тогда еще не былъ республиканцемъ!!

Герой.

— Война до побѣднаго конца! — воскликнулъ одинъ гражданинъ, получая бѣлый билетъ.

Удивленiе.

Одна бывшая «ея высокопревосходительство», жена виднаго сановника стараго режима, сказала:

— Я могу все понять, но не понимаю только, какъ это жена министра допускаетъ, чтобы онъ появлялся всюду въ простой рабочей курткѣ... Если у него нѣтъ камергерскаго мундира, то фракъ же онъ можетъ сшить!.. Если у него нѣтъ лентъ, звѣздъ и орденовъ, то онъ можетъ же выхлопотать у французскаго или американскаго президента!

Исидоръ Гуревичъ.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства
отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000, и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
въ Обществахъ взаимнаго кредита,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5³/₄% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

ЕЩЕ НЕ ВОСКРЕСЕНИЕ.

Недавно я видѣлъ письмо денщика къ моему пріятелю офицеру, которое начиналось такъ:

«Дѣло было вечеромъ,
Дѣлать было нечего.
Сажусь за столъ отъ скуки,
Беру перо въ руки...»

Такъ въ утонченной стихотворной формѣ, списанной изъ любовнаго письмовника, простодушный человекъ объяснил причину появленія его письма.

Когда я проглядываю ежедневно тѣ газеты, которыя все еще не могутъ примириться съ новымъ положеніемъ Россіи и ея населяющихъ, мнѣ страшно, что вмѣсто передовицы я не вижу этого эпического подхода:

— Дѣло было вечеромъ, дѣлать было нечего...

Вотъ садится за столъ передовикъ отъ скуки, беретъ перо въ руки и пишетъ:

«До тѣхъ поръ, пока кровожадный милитаризмъ германскаго народа и пока кровожадные тевтоны...»

Положить перо и вспомнить, что сегодня къ юбѣду не было блага хлѣба. Догадался, что и въ Германіи тоже нѣтъ блага хлѣба. И чернаго навѣрное мало. Догадался, что тамъ тоже люди обалдѣли отъ трехгодичной рѣзни, и германскія матери такъ же плачутъ о своихъ убитыхъ, или гніющихъ въ окопахъ дѣтяхъ.

И станетъ стыдно дописывать готовую, черствую отъ прежнихъ лѣтъ фразу:

«И пока германскій народъ не захочетъ мира...»

А рядомъ въ комнатѣ—слышно—дописываетъ фельетонистъ:

«Такъ ради чего же англійскіе капиталисты посылаютъ своихъ, т. е. дѣтей своихъ колониальныхъ драться на войну? Пусть надъ этимъ подумаютъ наши оппоненты. И если бы они знали, что первый капиталистъ Англійи жертвуетъ ради того, чтобы послѣдній русскій рязанскій мужикъ имѣлъ французскую булку и ежедневную прогрессивную газету съ бесплатнымъ приложеніемъ, онъ понялъ...»

Перечтеть, задумается, крякнетъ, почешетъ за ухомъ и остановится. Но старая трехгодичная привычка работать подъ военную цензуру схватить за руку — и пошла та писать ежедневную мякину. А гдѣ-то за три комнаты сидитъ репортеръ, съ безнадежно прогрессивнымъ выраженіемъ въ глазахъ и растягиваетъ ползучую жирную строчку:

«Выступавшаго на митингъ въ залѣ театра «Ки-ка-пу», неизвѣстнаго въ штатскомъ пиджакѣ толпа яростно осмистала. «У насъ мало провіанта, — говорилъ неизвѣстный, — транспортъ въ тяжеломъ положеніи, население ожидаетъ мира». Публика отнеслась враждебно къ этимъ пораженческимъ, клеветническимъ рѣчамъ. Нѣтъ, Россія хочетъ биться. И скоро все мужское население отъ 15 лѣтъ и до...»

Остановится и захочетъ перечеркнуть. Потомъ вздохнетъ и усмѣхнется:

— Двадцать на три — шесть гривенъ. При всеобщей дороговизнѣ.

А ночной редакторъ, выпуская газету, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, гдѣ не хватаетъ театральной хроникки вставить крупнымъ шрифтомъ:

«Рабочіе — къ станкамъ. Солдаты — въ окопы».

Прочитаешь такую газету и вздохнешь. Цензоромъ пахнетъ. Трусостью и прежнимъ рабствомъ пахнетъ отъ этихъ старыхъ заплесневѣвшихъ словъ. Не научились еще говорить свободно люди.

Хочется придти къ редактору такой газеты, взять его за шиворотъ, встряхнуть и спросить:

— Ну, зачѣмъ вы это?

И посрѣдетъ редакторъ, помутнѣетъ его взглядъ и безконечно унылымъ голосомъ, пролепечетъ онъ изъ редакторскаго уголка денщицкое оправданіе всей этой еще старорежимной нудятины:

— А такъ...

Дѣло было вечеромъ,
Дѣлать было нечего...
Сѣлъ за столъ отъ скуки,
Взялъ перья въ руки...

Бѣдные, тупые, невоскресшіе люди...

Л. Аркадскій.

ПРОПОВѢДЬ БОЛЬШЕВИКА.

Товарищи! Плюньте
На идеи Плеханова:
На взрытомъ грунтѣ
Все построимъ наново!
Революція должна быть расцѣнена
По тезисамъ Ленина!
Во имя лѣвизны и революціонности
Да здравствуютъ демогиическія безпардонности!
Буржуазія будетъ приструнена
Во вкусѣ Бакунина!
Крестьяне со своими сохами и хатами
Станутъ сразу социаль-демократами!
Строй архаическій
Превратимъ мигомъ въ коммунистическій!
Прочь сознание
Пространства и времени!
Нужно бить рѣянѣ
По темени
Всѣхъ, кого попало,
Отъ велика до мала!
Нужно что есть духу
Разводить сутолоку и разруху!
На развалинахъ царскаго холуйства
Созидедемъ храмъ всенаплюйства!
Экспроприацію
И социализацію
Закатимъ сразу,
Минувя демократическую фазу!
Мы уже приступили
Къ программѣ исполинской:
Обобществили
Дворецъ Кшесинской.
Освобождение свѣта
Начинается съ балета!
Прочь всякій порядокъ! —
Онъ однообразенъ,
Буржуазенъ
И гадокъ
Кому не нравятся эти ламентации,
Тотъ порождение провокаціи,
И съ нимъ одинъ расчетъ —
Пулеметь!

Красный.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Мурзину; И. Л. — Не подошло.

Б. Москва.

Павлу Дубенсу — Не подошло.

Саратовъ. Жозь. — Жозя пишетъ:

„Совершили переворотъ мы
Потомъ сядемъ отдохнемъ“.

Невѣрно это, Жозя. — Послѣ этой революціи садиться не придется. Это вамъ не девятьсотъ пятый годъ.

Тобольскъ. Ефр-ру. — Мы вполне понимаемъ вашъ гражданскій порывъ, вылившейся въ красивой фразѣ:

— Ура, ура, ура,
Не стало снамъ царя!“

Но несмотря на значительность подчеркнутаго вами событія, ваши стихи все-таки не пойдутъ. Историческая несправедливость. Что подѣлаешь.

Калуга. Морозу. — Предполагаемая вами пародія очень близка къ оргиналу, злободневна, но намъ не понравилась, хотя быть можетъ это — наше непониманіе прекрасной пародической литературы:

„Зима, крестьянинъ пиршествуя,
На авто обновляетъ путь
И самъ республику почуя
Плетется рысью какъ-нибудь“.

Преклонимся предъ величіемъ души русскаго крестьянина, а стихи печатать не будемъ. Считайте это нетактичнымъ эксцессомъ, столь свойственнымъ нашему переходному времени.

В. Провинція.

Гамаюнъ, Пинесу, Скороходову, Рябинину, Ли-Робъ, Эльве. — Не подошло.

Г. Д. Армія. Шт.-кап. Познякову. — Не подошло.

Арк. Б-овъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ: А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера.

Осиновый колъ на могилу зеленого змія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Письмовникъ „Новаго Сатирикона“.

(Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Физиологія и анатомія человѣка.

(Съ приложеніемъ психологіи человѣка.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Всеобщая исторія, обраб сатирикоконцами.

Цѣна 1 руб. —

Вѣстникъ знанія „Новаго Сатирикона“.

(Окультурныя науки. Энциклопедическій словарь. Хрестоматія для дѣточекъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.

Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —

Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальныя выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятiе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. == Книготорговцамъ — скидка обычная.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

=== Н О В Ы Й журналъ сатиры и юмора ===

„БАРАБААНЪ“

Цѣна № двадцать коп.

ТРАКТАТЪ О БУРЖУАЗНОСТИ ИЛИ ВСЕ НА
СВѢТѢ ОТНОСИТЕЛЬНО.

Рис. Ре-ми.

Петровъ — Семенову:
— Цилиндръ? Цѣпочка? Визитка? Бу-уржуй!

Карповъ — Петрову:
— Ты еще... Въ пальто да галстухъ разгуливаешь?
Буржуйная душонка!

Гудиловъ — Карпову:
— Кепку натялил? Въ пиджакахъ ходишь, чортова
перешница?! Буржуй проклятый!

Уткинъ — Гудилову:
— Вотъ оно что... Въ полотенца наряжаешься?! Буржуй
несчастный!..